

**С. Р. Омельченко**

## **ГЛАГОЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ**

В современной отечественной лингвистике особое внимание уделяется изучению ментальных процессов и структур. Исследования по теории ментальности свидетельствуют о том, что в науке еще нет четкого представления об этом феномене, намечаются лишь отдельные проблемы и пути их решения<sup>1</sup>.

К числу таких проблем можно отнести определение ментальности и выявление способов ее репрезентации. Проблема определения ментальности, как отмечает В. В. Колесов, обусловлена прежде всего тем, что ученые, как правило, не учитывают уже наработанных предшественниками объемов понятия ментальности и особенностей его содержания, забывая часто, например, о В. фон Гумбольдте, А. А. Потебне и почти полностью исключая из рассмотрения ментальности проблему языка<sup>2</sup>.

Вслед за В. В. Колесовым, мы понимаем ментальность как "миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях"<sup>3</sup>. Такое понимание ментальности принимается рядом лингвистов, поэтому неслучайно предложен термин "языковая ментальность", который обозначает отражение в языке разнообразия духовной, интеллектуальной и чувственной жизни человека<sup>4</sup>.

При этом отмечается одно из важнейших свойств языковой ментальности — ее этноспецифичность. Так, Н. И. Толстой, учитывающий данную особенность ментальности, писал: "Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса, еще Пифагор "для познания нравов какого ни есть народа" советовал прежде всего изучить его язык"<sup>5</sup>.

В нашей работе используется термин "этнолингвистическая ментальность", который соотносит ее с мировоззренческой структурой сознания определенной этнической группы, а также с закреплением результатов умственной деятельности в естественном языке членов данной группы. Представителями подобного этнолингвистического сообщества являются казаки, проживающие на территории Нижнего Поволжья.

Другая проблема, связанная со способами репрезентации ментальности различными языковыми средствами, является также

актуальной для современной лингвистики. В качестве основных средств выражения ментальности называются ментальные глаголы или предикаты, "описывающие сферу умственной деятельности в широком смысле слова"<sup>6</sup>. Однако терминологическое многообразие, когда одни и те же лексемы именуются то ментальными, то путативными или фактивными, то глаголами пропозиционального отношения, то эпистемическими глаголами и т.п., свидетельствует о неоднозначном понимании системных и функциональных характеристик этих единиц<sup>7</sup>.

Проведенное нами исследование функционально-семантических свойств ментальных глаголов<sup>8</sup> с учетом социальной дифференциации общенародного русского языка<sup>9</sup>, а также в зависимости от фиксации этих глаголов и их ментальных значений в словарях литературного языка и диалектной речи<sup>10</sup> позволяет установить систематизирующие принципы организации таких единиц в составе функционально-семантического поля и раскрыть некоторые особенности выражения этнолингвистической ментальности казаков.

При создании картотеки фактического материала, насчитывающей около 10000 случаев употребления ментальных глаголов в сочинениях региональных писателей Е. А. Кулькина и Б. П. Екимова, а также в фольклорных произведениях и устной речи казаков<sup>11</sup>, мы руководствовались подходами к исследованию глагольной лексики, разработанными в русистике, и главным образом коллективом научной проблемной группы "Русский глагол", у истоков создания которой была Э. В. Кузнецова. Ученые Уральской лингвистической школы внесли неоценимый вклад в разработку комплексного изучения системной организации глагольной лексики и ее лексикографического описания, представив ряд монографий и уникальные словари нового типа<sup>12</sup>.

Нами также были учтены достижения других научных семантических школ: московской, петербургской, тамбовской, томской, львовской, представители которых предложили новые принципы описания лексического материала, в том числе и глагольной лексики.

Однако в качестве ведущего при анализе языкового материала нами принят синхронно-диахронический подход, используемый в работах С. П. Лопушанской и ее учеников, согласно которому сосуществование в языке конкретно-пространственных и абстрактно-пространственных представлений, преобладание образного либо рационального начал обусловлено спецификой научной доминанты "язык мыслящей личности"<sup>13</sup>. Мы разделяем

их точку зрения о том, что восприятие человеком окружающего мира является смысловой доминантой языкового сознания и ее изменение во времени закономерно сопряжено с изменениями структуры речемыслительной деятельности<sup>14</sup>. Разработанная С. П. Лопушанской методика реконструирования семантической структуры слова позволила нам установить сходство и различие семантики слова, употребляемого в общенародном языке и диалектной речи, проследить происходящие в процессе функционирования ментальных глаголов семантические изменения модуляционного и деривационного характера. Вслед за С. П. Лопушанской мы разграничиваем семантическую структуру слова и смысловую структуру словоформы. Первая представляет собой единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте). О смысловой структуре можно говорить по отношению к словоформе, функционирующей в тексте, в частности в высказывании, равном предложению<sup>15</sup>.

При определении смысловой структуры мы исходим из двух типов контекстуально обусловленных семантических изменений — семантической модуляции и семантической деривации. Понятие "семантическая модуляция", введенное для разграничения изменения недеривационного и деривационного характера, обозначает процесс перегруппировки в семантической структуре слова разноуровневых признаков при сохранении категориально-лексической семы<sup>16</sup>.

Наш анализ системно-структурных и функционально-семантических свойств ментальных глаголов, а также учет этноментальных особенностей значений некоторых лексем показывает, что эти единицы можно представить в виде функционально-семантического поля. Для определения границ данной парадигмы, ее внутренней структуры и соотносительности с другими семантическими полями мы учитываем экстралингвистические и собственные лингвистические факторы.

В качестве экстралингвистических факторов мы принимаем во внимание динамическую природу мышления, обобщенно передающего сущность отображаемой типовой ситуации<sup>17</sup>, которая служит основанием лингвистического описания ментальных глаголов в рамках функционально-семантического поля.

В качестве лингвистических факторов выступают компоненты семантической структуры ментальных глаголов, которые отобра-

жают типовую ситуацию в виде базовой модели "субъект мыслящий — процесс мысли — объект мысли", указывающей на умственную деятельность субъекта.

Семантические компоненты рассматриваются в выявленной нами иерархии, которая сложилась в языке. Основной является общая сема 'осуществление ментальной деятельности', которая манифестирует логико-семантические связи и отношения между субъектом и объектом мысли, участвуя в формировании имманентных, имплицитных предикатных структур<sup>18</sup>, обнаруживающих эквивалентность целой синтаксической конструкции. Существенным свойством данной семы является ее идентифицирующая функция в составе функционально-семантического поля, объединяющего глагольные лексемы со значением ментальной деятельности.

Важнейшими в организации лексического значения ментальных глаголов, как, впрочем, и других языковых единиц, являются собственно лексические семы, среди которых можно выделить категориальные (доминирующие), дифференциальные (подчиненные) и потенциальные.

Особой значимостью обладает категориально-лексическая сема (КЛС), вокруг которой группируются дифференциальные и потенциальные признаки, объединяемые в ряде случаев интегральными семами.

В нашей работе ментальная глагольная лексика в рамках функционально-семантического поля структурно организована в различные по рангу лексико-семантические множества (ЛСГ, синонимические и антонимические ряды), свидетельствующие о системных отношениях между ними. В основе сходства семантики таких глаголов лежат следующие факторы: во-первых, наличие общей семы 'осуществление ментальной деятельности'; во-вторых, существование собственно лексических сем, отражающих денотативный аспект семантики ментальных глагольных единиц и имеющих свою специфику в конкретизации ментального признака.

Члены каждой из лексико-семантических групп интерпретируют ментальную семантику, которая составляет концептуальную основу всего поля, являясь концептуальным ядром<sup>19</sup> основного содержания глагольных лексем, имеющих отношение к обозначению ментальной деятельности.

Учет представленности общей семы 'осуществление ментальной деятельности' в первичных или вторичных значениях ментальных лексем общенародного русского языка, а также особен-

ности ее реализации, обусловленные спецификой мышления казаков, позволяет выделить в составе исследуемого поля ядерные, центральные и периферийные элементы.

Ядро рассматриваемого поля составляют собственно ментальные глаголы литературного языка и диалектной речи, у которых ментальная семантика манифестируется в первичном значении, зафиксированном словарями. Это глаголы *думать*, *мыслить*, *понимать*, *соображать*, *узнавать* и т.д. Среди них выделяются активно употребляющиеся в речи казаков лексемы, которые зафиксированы в толковых словарях современного русского литературного языка с пометами *прост.* или *разг.*, свидетельствующими о процессе их перехода из диалектной речи в систему нормированного литературного языка: *кумекать/скумекать*, *морковать* и *мараковать*, *плановать*, *смекать/смекнуть*, *соображаться/сообразиться*, *спознавать/спознать*, *удумать*, *упомнить* и др.

Наиболее репрезентативным в литературном языке является глагол *мыслить*, а в диалектах — глагол *морковать*.

У лексемы *мыслить* в качестве первичного выступает ментальное значение "рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы". Например, в романе Е. А. Кулькина встречаем глагол *мыслить* в следующем контексте:

" — А вот Архимед, говорили, открыл свой закон в ванне. Случайно, можно сказать.

— Правильно. Это как раз и говорит, что он *мыслил* даже тогда, когда купался"<sup>20</sup>.

В контексте данного диалогического высказывания глагольная лексема *мыслить* употреблена в значении "рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы". Семантика глагола отражает структуру мыслительного процесса: субъект *мыслящий*, процесс *мысли*, объект *мысли*, имплицитно выраженный, но которому присуща актантная позиция. Процесс *мысли* представлен как определенное психологическое состояние субъекта, характеризующееся неограниченной длительностью. Форма несовершенного вида прошедшего времени глагола *мыслить* передает значение постоянного существования ментального состояния. Контекстуальные уточнители *даже*, *тогда* указывают на то, что субъект всегда находился в состоянии размышления, "даже тогда, когда купался".

Ментальная семантика у глагола *мыслить* сохраняется и в других значениях: "строить умозаключения, сопоставляя мысли и делая из них выводы", "думать о ком-, чем-либо; размышлять";

"представлять что-либо в мыслях; воображать, допускать", "намереваться, предполагать, помышлять, рассчитывать сделать что-либо"<sup>21</sup>, что подтверждается нашим материалом.

Глагольная лексема *мороковать* (ее вариант *мараковать*) представлена в Большом толковом словаре донского казачества, в Словаре русских народных говоров под редакцией Ф. П. Филина, а также в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля. В этих справочных изданиях указывается, что данной лексеме присуще, во-первых, значение "соображать, думать"; во-вторых, выделяется еще ряд значений, имеющих отношение к процессу мышления: "понимать", "знать", "смыслить", "смекает"<sup>22</sup>. Кроме того, в Словаре современного русского литературного языка в 17 томах также зафиксирована эта лексема и ее вариант с пометой *прост.* и значением "разбираться в чем-л., понимать, смыслить что-л."<sup>23</sup>.

Толкование семантики глагола *мороковать* (*мараковать*) в справочной литературе подтверждает его употребление в нашем материале. Например, в трилогии Е. А. Кулькина встречаем:

"В правлении *мараковали* над тем, как же провести быстрее сев"<sup>24</sup>.

Здесь слово *мараковать* употреблено в своем первичном значении "соображать, думать" и обозначает ментальный процесс как интеллектуальное действие субъекта, представленного имплицитно. Объектом мысли является ситуация, связанная с профессиональной деятельностью субъекта.

В другом примере из устной речи жительницы станицы Луковская А. Г. Шабановой глагол *мараковать* употреблен также в значении "соображать, думать":

"— Старая уже стала, начнешь кроить, *маракуешь* головой и так и эдак, пока *примаракуешь* что-то, сто потов сойдет".

Словоформы бесприставочного глагола и его производного сохраняют в своей смысловой структуре общую сему 'осуществление ментальной деятельности' и передают динамику мыслительного процесса, представляя его как интеллектуальное действие, которое характеризуется длительностью (*маракуешь*) и результативностью (*примаракуешь*). В качестве объекта мысли выступает ситуация профессионального занятия субъекта.

Кроме лексем *мыслить* и *мороковать*, в нашем материале имеются другие слова литературного языка и диалектной речи, у которых ментальная семантика манифестируется в первичном значении и отражает различные параметры мыслительного процесса.

Как показал анализ, в лексико-семантических группах глагольных лексем с первичным ментальным значением, образующих ядерную часть рассматриваемого поля, преобладают слова литературного языка, и это неслучайно, поскольку именно литературный язык в силу сложившихся исторических причин обладает большими возможностями "для осуществления отвлеченного, логического мышления"<sup>25</sup>.

В нашем материале имеются ментальные лексемы, значения которых зафиксированы в диалектных словарях как первичные (*доумиться, мозголовить, замозголовить, подумакивать/подумакать, подумкивать, сумлеваться, разуместь*). Они также входят в ядро рассматриваемого поля. Фиксация этих лексем в справочной литературе свидетельствует, во-первых, о прочной традиции употребления этих слов в диалектах, во-вторых, об одной из тенденций языкового развития, отражающих своеобразие интеллектуальной деятельности казаков, соотносимой в их представлении с понятиями *ум* и *мозг*. Видимо, так можно объяснить словообразовательную связь указанных диалектных ментальных глаголов с этими существительными: *доумиться, подумакивать/подумакать, подумкивать, сумлеваться, разуместь, мозголовить, замозголовить*.

Центральную часть рассматриваемого поля составляют ментальные глаголы литературного языка и диалектной речи, у которых ментальная семантика манифестируется во вторичном значении, зафиксированном словарями. Это глаголы *видеть, идти, иметь, метить, спорить; булгачить, доглядать, долдонить, облыгаться, подьеферить* и т.д. Ментальное значение как вторичное данные глаголы приобрели в процессе семантических изменений деривационного характера. В первичном значении они относятся к другим лексико-семантическим группам: глаголов восприятия, речевой деятельности, движения, местопребывания, обладания, конкретного действия и др. Такие лексемы мы называем функционально-ментальными.

Рассмотрим наиболее показательный случай. Лексема *метить* в литературном языке имеет значение "ставить отличительный знак, метку"<sup>26</sup>. В романе Е. А. Кулькина "Раздоры" это слово употребляется в следующем контексте:

"Нет, Мануил, злой ты человек, оттого и другого сапухой *метишь*. А зловредному человеку решительно в колхозе делать нечего"<sup>27</sup>.

В казачьих говорах это слово употребляется в значении "плохо думать о ком-то". В данном случае в смысловой структуре гла-

гола метить, обозначающего в литературном языке конкретное физическое действие, связанное с помещением какого-либо знака на чем-либо, где-либо, происходят семантические изменения деривационного характера, которые разрушают категориально-лексическую сему 'помещать что-л. где-л., каким-л. образом'. В результате перегруппировки семантических компонентов глагол приобретает семантику мыслительного действия, о чем свидетельствует актуализация категориально-лексической семы 'осуществление акта мышления' и дифференциальных признаков 'размышление', 'раздумье'. В контексте романа Е. А. Кулькина отрицательные определения *злой*, *зловредный человек*, а также диалектное слово *сапуха*, обозначающее сажу, которое в народном сознании ассоциируется с чем-то плохим — с грязью, клеветой, нуждой<sup>28</sup>, осложняют это мыслительное действие негативной оценкой.

Выражение *метить сапухой* хорошо известно жителям станиц Волгоградской области. Они часто употребляют его именно в значении "плохо думать о ком-то". Вот как объяснял выражение *метить сапухой* один из информантов В. В. Суров:

"Напился пьяным, на кого-то замахнулся — говорят: "Ну ты и отчебучил!", в огород залез, там поломал что-то, изгородь, например, — опять "отчебучил", а потом уже его все время сапухой метят, ну и правильно — заслужил".

В конситуации отрицательных действий: *напился пьяным*, *замахнулся*, *поломал изгородь*, *отчебучил* (в значении "неожиданно натворил, совершил что-то плохое") и в сочетании со словом *сапуха* глагол *метить* обозначает не конкретное действие, а содержит указание на отрицательную оценку. В представлении казаков человек, помеченный сапухой (сажей), выделяется среди других только в плохом отношении, о нем думают как о плохом человеке.

Периферия рассматриваемого поля включает ментальные глаголы, приобретающие вторичное ментальное значение в процессе семантических изменений модуляционного характера в смысловой структуре слова. Такие глаголы, широко распространенные в устной речи казаков Нижнего Поволжья и не отмеченные в словарях литературного языка и народных говоров, мы определяем как этноментальные. Назовем лишь некоторые из них: *вспопаши́ться* (в значении "воспроизвести в памяти"), *вортонить/свортонить* ("придумать что-нибудь оригинальное"), *додуми́ться* ("догадаться"), *запохожи́ться* ("стать ясным"), *засмысли́ться* ("задуматься"), *обголтаться* ("узнать, ос-



воившись, привыкнув"), *обтомиться* ("испытывать беспокойство, волнение, думать о плохом"), *пошурупить* ("подумать"), *предвещивать* ("внутренне предсказывать что-л."), *примудривать* ("придумывать что-л. плохое, издеваться"), *смыслиться* ("подумать"), *смякнетить* ("сообразить"). Особенностью этих глаголов является то, что они образованы на основе продуктивных словообразовательных моделей современного русского литературного языка с помощью различных приставок.

В качестве примера рассмотрим случай, зафиксированный в станице Луковской. Частью одного из наших экспериментов был сбор материалов по заранее выбранным нами высказываниям из произведений Е. А. Кулькина и Б. П. Екимова. Информанту, казачьему атаману Г. И. Щеголькову, мы предложили фрагмент из романа Б. П. Екимова "Родительский дом":

*"Костя опамятовал и добавил мягче:*

*— И по всему хутору... Жизнь, говорят такая"*<sup>29</sup>.

Г. И. Щегольков объяснил понимание этого контекста следующим образом: глагол *опамятовать* употреблен в значении "сообразить".

Мы сопоставили это значение с материалами нашей картотеки, в которой была зафиксирована беседа с жительницей этой же станицы А. Г. Шабановой:

*"Опамятуешь это, и так горько на душе станет".*

На наш вопрос: "Что значит *опамятуешь?*", она объяснила, что это значит "вспомнишь что-то".

Как видим, оба значения одной и той же лексемы можно соотнести с разными синонимическими рядами. В речи атамана — это *сообразить*, *понять*, *смекнуть*, а в речи А. Г. Шабановой — *вспомнить*, *припомнить*, *восстановить в памяти*.

Данные синонимические ряды позволяют сделать вывод о том, что семантика этих лексем свидетельствует о наличии категориально-лексической семы 'воспроизведение в уме'. Однако в значении "вспомнить" отражен нейтральный процесс мыслительной деятельности, а в значении "сообразить" — это сложный, интенсивный ментальный процесс. Данные различия на уровне дифференциальных признаков при сохранении одной и той же категориально-лексической семы свидетельствуют об изменениях модуляционного характера в смысловой структуре слова, функционирующего в речи казаков.

Таким образом, полевой подход позволяет объяснить различные речемыслительные процессы, затрагивающие сферу литера-

турного языка и диалектной речи, среди которых наиболее продуктивными оказываются семантические изменения двух типов — модуляция и деривация.

В условиях контекста во взаимодействии с различными контекстуальными уточнителями (абстрактные существительные, наречия, синтаксические особенности построения высказывания и др.) в смысловой структуре ментальных глагольных лексем осуществляется опосредованная реализация процесса умственной деятельности.

Учет представленности ментальной семантики в первичных или вторичных значениях данных глагольных лексем позволяет выделить в составе рассматриваемого поля ядерные, центральные и периферийные элементы.

К ядерным отнесены собственно ментальные глаголы литературного языка и диалектной речи, у которых ментальная семантика манифестируется в первичном значении, зафиксированном соответствующими словарями. Такая фиксация свидетельствует о прочной традиции употребления этих слов в диалектах, а также о тенденции языкового развития, отражающей своеобразие ментальной деятельности казаков, соотносимой в их представлении с понятиями *ум* и *мозг*.

К центральным отнесены функционально-ментальные лексемы, приобретающие ментальную семантику во вторичных значениях в результате семантических изменений деривационного характера. Отмеченность подобных значений в словарях свидетельствует об узуальных процессах перегруппировки разноуровневых признаков в смысловой структуре слова, что может рассматриваться как системно-языковой факт.

К периферийным отнесены этноментальные лексемы, у которых ментальная семантика развивается во вторичных значениях как результат семантических изменений модуляционного характера. Такие изменения, не зафиксированные в названных словарях, служат подтверждением того, что процессы перегруппировки семантических признаков в смысловой структуре ментальных глаголов являются окказиональными и могут рассматриваться как особенность речи казаков.

Подобные случаи глагольной репрезентации языковой ментальности в речи казаков Нижнего Поволжья обнаруживают тенденции развития общенародного русского языка, обогащающегося за счет взаимодействия литературного языка и диалектной речи, а также сохранение самобытности умственной деятельнос-

ти, отраженной в естественном языке определенного этнолингвистического сообщества.

<sup>1</sup> См.: Апресян Ю. Д. Избранные работы. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995; Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999; Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира: (На материале русской грамматики). М., 1997; Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996; Гак В. Г. Пространство мысли: (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ естественного языка: Ментальные действия. М., 1993; Колесов В. В. "Жизнь происходит от слова...". СПб., 1999; Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993; Почепцов О. Г. Языковая ментальность: Способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6 и др.

<sup>2</sup> См.: Колесов В. В. Указ. соч. С. 79.

<sup>3</sup> Там же. С. 81.

<sup>4</sup> См.: Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 411–437; Колесов В. В. Указ. соч. С. 81–83; Почепцов О. Г. Указ. соч. С. 111 и др.

<sup>5</sup> Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. С. 312.

<sup>6</sup> Апресян Ю. Д. [Предисловие] // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. С. XXIII.

<sup>7</sup> См.: Апресян Ю. Д. Избранные работы. Т. 2. С. 115–134, 355, 365, 389, 410–430; Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 411–437; Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Указ. соч. С. 151–166; Гак В. Г. Указ. соч. С. 22; Лауффер Н. И. Пасынок ментального поля, или Сотворение мнения... // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2000. № 3. С. 65 и др.

<sup>8</sup> См.: Смелыченко С. Р. Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов // Известия Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 7, № 31. С. 217–229.

<sup>9</sup> См.: Лопушанская С. П. Общепонятный русский язык // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. 2001. Вып. 1. С. 7–19.

<sup>10</sup> См.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948. Т. 1 (далее – БАС); Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981. Т. 1 (МАС); Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М., 1999 (ТСРГ); Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999 (СД); Словарь русских народных говоров. Л., 1965–1995. Вып. 1–29 (СРНГ); Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003 (ВТСДК).

<sup>11</sup> См.: Екимов Б. П. Соч.: В 3 т. Волгоград, 2000; Кулькин Е. А. Вдовий сенокос: Рассказы. Волгоград, 1990; Он же. Смертный грех: Роман в 3 ч. 2-е изд. Волгоград, 1996; Кулькин Е. А. Прощеный век: Трилогия. Волгоград, 2000, 2001; Земцов С. Н. Живой родник: Загадки, пословицы и поговорки. Волгоград, 1985; Когитин В. В. Сказки-пересказки. Волгоград, 1996; Песни донских казаков / Сост. Б. П. Екимов. Волгоград, 1982; Споемте, братья-казаки: Сб. казачьих песен Волгоградской области / Сост. О. Ф. Емельянова. Волгоград, 1994; а также магнитофонные записи устной речи казаков, сделанные нами в различных районах Волгоградской

области: Жирновском (село Александровка), Новоаннинском (станция Староаннинская), Еланском (село Краишево), Даниловском (станция Островская), Нехаевском (станция Луковская), Калачевском (хутор Камыши и станция Голубинская) и др.

<sup>12</sup> См.: Кузнецова Э. В. [Предисловие] // Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник. Свердловск, 1988. С. 3–11; Русская глагольная лексика: Пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997; Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М., 1999; Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь. М., 2002 и др.

<sup>13</sup> Лопушанская С. П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань, 1975; Она же. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград, 1990; Она же. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Филология. Волгоград, 1996. Вып. 1. С. 6–13; Она же. Концептуальное ядро русского слова, функционирующего в современном тексте // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003; Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. Волгоград, 2000 и др.

<sup>14</sup> См.: Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Филология. Вып. 1. С. 6–7.

<sup>15</sup> См.: Там же. С. 8.

<sup>16</sup> См.: Там же.

<sup>17</sup> См.: Бабенко Л. Г. Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения // Русская глагольная лексика: Пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. Екатеринбург, 1997. С. 24–25.

<sup>18</sup> По терминологии А. А. Уфимцевой – “предикатных смыслов”. См.: Уфимцева А. А. Лексическое значение: (Принцип семасиологического описания лексики). М., 1986. С. 145–186. По терминологии Л. Г. Бабенко – “пропозициональных структур”. См.: Бабенко Л. Г. Указ. соч. С. 37–38.

<sup>19</sup> См.: Кацнельсон С. Д. Язык и мышление // Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. С. 17; Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте. Калининград, 2002. С. 60; Лопушанская С. П. Концептуальное ядро русского слова, функционирующего в современном тексте. С. 259–269.

<sup>20</sup> Кулькин Е. А. Раздоры // Смертный грех: Роман в 3 ч. С. 48.

<sup>21</sup> БАС. 1948. Т. 3. С. 1420; МАС. 1986. Т. 2. С. 317.

<sup>22</sup> БТСДК. 2003. С. 287; СРНГ. 1982. Вып. 18. С. 274.

<sup>23</sup> БАС. 1957. Т. 6. С. 619.

<sup>24</sup> Кулькин Е. А. Смертный грех. С. 467.

<sup>25</sup> Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989. С. 7.

<sup>26</sup> МАС. 1986. Т. 2. С. 260.

<sup>27</sup> Кулькин Е. Смертный грех. С. 328.

<sup>28</sup> См.: СД. 1999. Т. 4. С. 127.

<sup>29</sup> Екимов Б. П. Указ. соч. Т. 1. С. 167.